
В.А. Арутюнова-Фиданян

АРМЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И РАННЕЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В отличие, например, от англо-саксонских королевств, Польши, Чехии или Руси, где письменная культура была, в основном, заимствована извне вместе с христианством и церковными институтами и, в определенной степени, соотносилась со становлением государственности, в Армении такая связь не может быть однозначно прослежена. Доэллинистическая государственность Армении, принятие христианства в начале IV в., и только через сто лет после этого события – изобретение алфавита, переводная литература и возникновение оригинальных произведений ставят Армению вне вышеупомянутого типологического ряда. Изобретение письменности и возникновение оригинальных богословских, догматических, литургических трудов было инициировано церковью. Первые переводчики стали первыми историографами, все они были учеными монахами (вардапетами), тесно связанными с домами Армении (Мамиконянами и Багратидами), которые играли ведущую роль в стране после упразднения Армянского царства и по заказу которых историки писали свои труды. Памятники V в. – целостный корпус исторической прозы Армении – являются началом христианского историописания. Защита веры и обычаев, сопротивление культурной и религиозной ассимиляции органично сочетались в трудах вардапетов Армянской церкви с борьбой за государственную независимость, за возрождение древнего Армянского царства.

Ключевые слова: Армения, историописание, письменность, христианизация, феномен «золотого века», философия истории

Первые политические образования возникли на Армянском нагорье на основе протоармянских племенных союзов в VII–VI вв. до н.э., а во второй половине II – начале I в. до н.э. династия Арташесидов создала объединенное армянское государство, где, по свидетельству Страбона, «все говорят на одном языке», иными словами, политические границы Армянского царства совпадали с этническими. К IV в. н.э. армянская государственность опиралась на устойчивые институты управления: «хазарапетутюн» ведало экономикой, финансами и торговлей, «мардпетутюн» – царское

казначейство, «малхазутюн» возглавляло царскую гвардию, «сенекапетутюн» ведало царской канцелярией и архивами; специальное ведомство «Великое судейство» осуществляло правосудие. Эти институты перешли почти без изменений от Арташесидов к Аршакидам (а через пять веков и к Багратидам). В III – начале IV в. в Армении закрепляется нахарарский строй не только как политическая, но и как социально-экономическая система, Армения становится раннефеодальной монархией.

В период расцвета дохристианской цивилизации (интенсивное градостроительство, архитектура, скульптура, фресковая живопись, литература и театр) Армении нельзя было назвать бесписьменной, поскольку армянская государственность, восходившая к доэллинистическим временам, не могла бы обходиться без письменности, обслуживающей нужды царства (армия, фиск, дипломатия и т.п.). В Армении существовали греческие и сирийские школы. Греческим и сирийским (арамейским) языками пользовались не только знать и интеллектуалы, но и широкие слои населения (письменное оформление документов о тяжбах, договоров, завещаний и т.д.). Придворные и храмовые истории записывались на сирийском и греческом языках, языческие храмы были хранителями духовной культуры и обладателями иноязычных источников об армянской истории.

Армения была тесно связана с иранской цивилизацией, до первой половины III в. входила в сферу влияния Парфянской державы с высоким политическим статусом. В семейной иерархии Аршакидов армянские цари занимали второе место, армянские Аршакиды были родственниками и вассалами парфянских царей. Обе страны были близки по общественному строю, экономической системе, социальному делению, культуре, быту и религии. Основными параметрами иранско-закавказской цивилизации были наследственная власть царя и нахарарский (родо-феодальный) социальный строй. В Армении эпохи ранней государственности Арташесиды еще были полновластными монархами, однако при Аршакидах, с развитием нахарарства и частной собственности на землю, в условиях натурального хозяйства географически разобщенных регионов, усилились центробежные тенденции, что вело к ослаблению государства и постепенному переходу земельного фонда к знатым фамилиям.

В конце III – первой половине V в. Армянское царство было децентрализованной монархией.

Царь *de jure* был верховным собственником всей территории царства, в его руках была сосредоточена законодательная, судебная и административная власть, но *de facto* и внутренняя, и внешняя политика контролировалась духовенством и нахарарами. Царь был верховным сюзереном нахараров (перс. *нахабар*), вначале обладавших лишь региональной административной и военной властью, полученной от царя, а затем превратившихся в крупных землевладельцев, присваивавших управляемые ими территории. Каждое нахарарство пользовалось внутренней автономией и обычно именовалось «домом» (тун) или «родом» (азг), нахарары именовались танугерами или азгапетами. Самые влиятельные нахарары входили в царский совет и возглавляли ведомства в аппарате управления, со временем их должности становились наследственными: Мамиконяны, чаще всего, были спарапетами, хазарапетами – Гнуни и Амадуни, венцевозлагателями – Багратиды, и т.д. (Сукиасян 1963. С. 202 и сл.).

Началом цивилизационного сближения между Византийской империей и Арменией, изначально принадлежавшими к разным цивилизационным типам (греко-римскому и ирано-закавказскому: Новосельцев 1980. С. 173–247), следует считать появление в III в. политических и конфессиональных факторов отчуждения Армении от иранского мира. В 224–226 гг. Ардашир Папакан, внук Сасана, правитель провинции Парс на юге Ирана, сверг Артабана V Аршакида, Сасаниды объявили себя наследниками Ахеменидов и лелеяли планы завоевания Римской империи. Новая династия сделала зороастризм государственной религией и начала жестокое преследование инакомыслящих. Следует отметить, что зороастризм, широко распространенный в иранском мире, никогда не имел существенного влияния в Армении, поскольку армянская теологическая мысль не восприняла основополагающий принцип зороастризма: дуализм добра и зла, равноправно участвующих в созидании мира, а также веру в силу очищающего огня. Армяне никогда не уравнивали силы созидания и силы разрушения, что, очевидно, и послужило одной из главных причин отхода Армении от Ирана. Устранив парфянских Аршакидов, Сасаниды вовлекли Армению в длительную войну, и потому в противостоянии Ирана и Рима армянские Аршакиды приняли сторону Римской империи. В 298 г. Трдат III (287–330) прибыл в Армению в сопровождении римских войск, Сасаниды, в свою очередь, активно поддерживали центробежные устремления армянских нахараров. В 299 г. персы

были вынуждены подписать в Нисибине мирный договор с Римом на сорок лет, который обеспечил влияние Римской империи в Армении, закрепленное утверждением христианства в обеих странах.

Христианизация Армении в начале IV в. была длительным и сложным процессом, история первых христианских общин и имена первых просветителей неизвестны, их затмила личность Григория Партева, проповедника и миссионера, связанного с Кесарийской церковью. Широко распространена и принята Армянской церковью дата крещения Армении – 301 г. (обращение царя Трдата III и его окружения). Существует и другая дата: 314 г. – рукоположение Григория епископом-первосвященником Армянской церкви в Кесарии Каппадокийской, через год после того, как император Константин I Великий (306–337) утвердил Миланским эдиктом (313 г.) веротерпимость, уравнив христианство с другими конфессиями.

Языческие верования долго жили и среди народа, и среди знати Армении, часть нахараров выступала против христианства и против царя, принявшего эту веру. Новая религия провозгласила единую веру как коррелят единой родины и единого царства и стала знаменем борьбы с мятежными нахарарами – приверженцами «древних богов». Переход к новой религии означал крушение блистательной дохристианской культуры Армении, изменение общественного менталитета, что и привело к внутренней смуте, к «войне с язычниками» (Агафангел 1903; Иоанн Мамиконян 1941; Арутюнова-Фиданян 2012. С. 266–269).

События первых этапов христианизации демонстрируют определенную симфонию древнего государства и новой христианской церкви во внешней и внутренней жизни Армении. Однако согласие между светской и церковной властями не было прочным, и борьба между ними нередко проявлялась в форме противостояния язычества и христианства (сторонников Ирана и Рима). Христианство долго оставалось «новой» религией, армянские авторы V в. жаловались на устойчивость старых обрядов, на то, что армяне любят «свои мифические песни, свои сказания, на них воспитываются, им верят» (История 1953. С. 29, гл. XIII)¹. Разгром языческих святилищ и возведение на их месте христианских

---

¹ В конце IX в. Багратиды, восстановившие армянскую государственность, собирали народные сказания, дабы укрепить возобновленное Армянское царство по образцу Армении Аршакидов, наследниками которых считала себя новая династия (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 98–100).

храмов, христианизация языческих обрядов, креолизация культов святых и т.п. не обеспечивали безоговорочной победы христианства. Первые жития христианских мучеников относятся к периоду утверждения новой религии. И даже через сто лет после обращения страны в христианскую веру Месроп Маштоц и его сподвижники пытались в одной из центральных областей Армении (Гохтн) «вызволить всех [жителей] из под влияния преданий предков и дьявольского поклонения сатане» (Корюн 1962. С. 87–88).

Рецепция византийской духовности, преломление христианских традиций в армянском обществе в соответствии с новыми политическими, социальными и идеологическими задачами продолжались несколько веков². Принятие христианства не только как государственной, но и как народной религии, а также дистанцирование от иранского мира было затруднено отсутствием собственной письменности. В течение нескольких столетий в Армении пользовались (не считая урартской клинописи) арамейской (во времена Ахеменидов) и греческой (в эллинистический период), сирийской (вариант арамейской), парфянской и персидской письменностями. Мовсес Хоренаци, укоряя «прежних царей и правителей» за их «нелюбознательность и нежелание оставить миру память о себе», отмечает, что письменность в Армении всё же была, хотя и чужая:

...и персидское и греческое письмо, на котором написаны хранящиеся у нас по сей день многочисленные книги; [документы], содержащие сведения о собственности в деревнях и областях и в каждом доме, об общественных тяжбах и сделках, особенно же, о наследственных состояниях (Мовсес Хоренаци 1990. С. 8, кн. III).

К IV в. Армения становится раннефеодальной монархией, при этом государство, торговля и образование обеспечивались в основном сирийской и греческой письменностями. По логике событий Григорий Просветитель³ вслед за крещением Армении должен был озаботиться созданием армянской письменности. Проповедники христианства для перевода Библии и письменной пропаганды

---

² Setton 1941; Zekiyan 1982. О Константине Великом см.: Jones, Martindale, Morris 1971. Т. 1. Р. 223–224.

³ Мурадян 2012а. С. 8–10. Общий обзор редакций «Жития Григория Просветителя» и литературу об этом памятнике см.: Анасян 1959. Т. 1. С. 151–213; van Esbroeck 1985. Col. 239–248; Thomson 1995. Р. 90–95; Арутюнова-Фиданян 2004. С. 203–209.

новой веры становились иногда и создателями алфавита. В Армении, однако, этого не произошло ни при Григории Просветителе, ни при его ближайших преемниках, т.к. царский двор, знать, духовенство, чиновничество и интеллектуалы по традиции продолжали получать греческое (или сирийское) образование и читали богослужебные книги на этих языках. Расширение круга неофитов потребовало хотя бы устного изложения элементарных основ христианского учения на армянском языке. Г.Х. Саркисян выдвинул гипотезу о гетероэпическом чтении или «произнесении» проповеди: аудитории предлагался устный перевод Библии (в особенности Нового Завета), сочинений отцов церкви и т.д. с оригиналов, находящихся под рукой или в памяти проповедника. Гетероэпическое чтение, заменяя в какой-то мере письменную грамоту, препятствовало литеризации армянского языка. В то же время непосредственное общение с аудиторией способствовало развитию богословской терминологии (Саркисян 1980. С. 15–27; Мурадян 2012б. С. 228, 242–243).

Сирийские и греческие богословские труды и даже гетероэпическое чтение не могли должным образом способствовать широкому распространению христианского учения, в особенности в периоды обострения разногласий между церковью и Аршакидами. Филиппики католикосов и вардапетов, обличавших неискорененные «древние языческие обычаи» (самоубийства и убийства как часть похоронных обрядов, беззаконие, блуд, кровосмешение и кровопролитие, ненависть и месть и т.п.), не воспринимались народом, а царь и его приближенные физически уничтожали проповедников (убийство католикосов Иусика и Нерсеса, старца Даниила и других). Один из авторов «Бузандарана» пишет:

В то время люди брали дурной пример с царя... хотя они издавна приняли христианство, но лишь как какую-то человеческую религию, которую они приняли по принуждению без ревностной веры. Они приняли [ее] не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало, и только немногие, знакомые с греческой или сирийской письменностью, понимали эту [религию]. Что же касается до тех, кто не был посвящен в искусство грамоты, т.е. до всей остальной разношерстной народной массы, будь то нахарары или шинаканы, то если бы учителя сидели с ними день и ночь и изливали бы на них свет учения, наподобие обильных дождей из облаков, – всё равно никто из них ни слова, ни полслова, ничего не мог понять, и крупичицы из того, что слышал, не мог бы запомнить (История 1953. С. 28–29).

Первый церковный Собор в Аштишате, созданный в 356 г. Нерсесом I (353–372), принял каноны, обязательные как для духовенства, так и для мирян (о содержании больниц и странноприимных домов, о порядке монашеской жизни, об отношениях между слугами и господами и т.п.), и целый ряд постановлений, осуждающих «языческие обряды». Нерсес I основал также по всей стране школы с преподаванием на греческом и сирийском языках (Тер-Саркисянц 2005. С. 143–144). Однако широкое распространение христианства и церковных институтов требовало собственного алфавита.

Появление армянской письменности, таким образом, было вызвано прежде всего нуждами христианской религии. Изобретатель армянского алфавита и основоположник армянской письменности Месроп Маштоц получил начальное образование в греческой школе, основанной католикосом Нерсесом I, и продолжил обучение в антиохийской школе известного ритора Либания. В 391 г. Маштоц был рукоположен хорепископом и направлен для насаждения христианства в восточные области Армении. Эта миссия вновь поставила перед Маштоцем вопрос о необходимости введения армянской письменности, впервые возникший перед ним в годы его службы в царской канцелярии (388–391 гг.), где дела приходилось вести не на родном и даже не на греческом языке, как это было до раздела Армении (387 г.), а на сирийском и персидском языках (Адонц 1962. С. 229–230; Маркварт 1962. С. 125). Результатом работы в городах византийской Сирии – центрах науки и просвещения – было изобретение тридцати шести знаков армянского алфавита. Маштоц ввел наименования этих знаков и установил их порядок соответственно греческому алфавиту⁴. В основу литературного языка был положен «останский» говор, т.е. язык домена Аршакидов (Айрарата), на котором говорили в столицах – Арташате и Валаршапате. В пределах единого государства – Великой Армении – стирались языковые особенности, и преобладающим становился «останский» говор, на котором существовала большая устная литература, целые циклы эпических и поэтических произведений, которые постоянно совершенствовались в устах профессиональных сказителей (гусанов и випсанов). В первой половине V в. из «останского» говора возник единый литературный язык (грабар) нахарарской Армении.

---

⁴ Дата изобретения алфавита — предмет длительной дискуссии в арменоведении. Крайним сроком создания армянской письменности может считаться начало V в. (Тер-Саркисянц 2005. С. 199–206).

Армянская литература начинается в первые десятилетия V в. с переводов богословских сочинений с сирийского и греческого языков. Действовала плеяда переводчиков: Месроп Маштоц, католикос Саак I и их ученики Корюн, Езник Колбацци, Иосиф Вайоцзореци, Левон, Иоанн Екелецци и др. Армянская переводная литература V – начала VIII в. включает в себя классические переводы (V в.) и переводы грекофильской школы (с конца V до начала VIII в.).

Переводная литература прежде всего должна была направить идейную и литургическую деятельность церкви и обеспечить религиозное образование (изучение Библии, литургики, патристика, герменевтика, апологетика, история, каноника, агиография). Усилиями первых переводчиков на армянский язык были переведены произведения отцов церкви: толкования, речи и каноны Афанасия Александрийского, Василия Кесарийского, Григория Назианзина и др., «Церковная история» и «Хроника» Евсевия Кесарийского, а также целый ряд литургических книг – Литургиарий, Часослов, Бревиарий и др.

Во второй период на армянский язык переводятся «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского, «Книга Хрий» (или «Книга полезных знаний») Афтония, произведения Аристотеля и Платона, «О риторических упражнениях» Феона Александрийского, «Введение в категории Аристотеля» Порфирия Финикийского, философские толкования неоплатоников, произведения Григория Нисского и Немесия Эмесского, богословские и догматические труды Филона Еврея, Иренея Лионского, Тимофея Элура, Дионисия Ареопагита и т.д. Переводы охватывали все области наук Средневековья: грамматику, риторику, философию, естествознание, богословие, демонстрируя целеустремленность представителей грекофильской школы⁵.

Древнеармянские переводы Аристотеля, Платона, Порфирия, Филона Александрийского и других принадлежат к числу древнейших в мировой философской литературе. Высокая степень точности этих переводов позволяет вносить коррективы в дошедшие до нас греческие оригиналы (Аревшатян 1973. С. 141–227; Terian 1982. Р. 175–186). Переводы с греческого языка постепенно теснят переводы с сирийского. Историко-филологический анализ

---

⁵ Последовательность переводов грекофильской школы: I этап (с середины 450-х до начала 480-х годов); II этап (с 480-х до 520-х годов); III этап (с 520-х до 600-х годов); IV этап (с 610-х до 720-х годов) (см.: Тер-Петросян 1984. С. 7–11).

переводов библейских книг утвердил в науке неоспоримое мнение, что изначальный армянский перевод св. Писания осуществлен на основе сирийской редакции (Анасян 1976. Т. 2. С. 309–668). В начале 30-х гг. V в. армянские интеллектуалы во главе с Сааком Партевом сверили и отредактировали книги Писания на основе греческой редакции семидесяти толковников. И с этого времени начинается литературная ориентация армян на Византию (Мурадян 2012б. С. 243–245).

Первые переводчики-эллинофилы в то же время являлись и основоположниками армянской оригинальной литературы: богословской, философской и историографической. В этот период были написаны: сочинение ученика Месропа Маштоца Корюна «История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика» (между 443 и 450 гг.); «История Армении» (или «Житие Григория Просветителя»), приписываемая Агафангелу (возможно, 60-е гг. V в.); «История Армении» Фавстоса Бузанда (или «Бузандаран») – сборник «эпических историй», записанный, очевидно, во второй половине V в.; сочинение Елишэ «О Вардане и армянской войне», написанное очевидцем и охватывающее небольшой период (середина V в.); «История Армении» Лазара Парпеци – изложение событий 387–485 гг. (конец V в.); наконец, «История Армении» Мовсеса Хоренаци – первая целостная история армянского народа от его появления на исторической сцене до 40-х гг. V в.

Историографии V в. посвящена огромная литература, и обозначен широкий круг проблем⁶. Феномен «золотого века» – высочайшего взлета армянской словесности непосредственно вслед за изобретением алфавита – объясняется, прежде всего, существованием огромной устной литературы, гибкостью и богатством армянского языка, столетиями совершенствовавшегося сказителями циклов устных преданий. Модель мира ранних историографов: борьба армян за родину, за духовную и государственную независимость, за создание надежных и устойчивых опор страны, государственности и общества – унаследована ими от безвестных авторов устной истории, которая входила в их произведения в соответствии с задачами того или иного автора. Агафангел, писавший о ходе христианизации Армении, использовал церковные предания, Елишэ и Лазар Парпеци – певцы освободительной борьбы против Ирана –

---

⁶ Список основной литературы см.: Акопян 2016. С. 4–6.

широко цитировали героический эпос, Мовсес Хоренаци построил на этно-социогенетических преданиях «Начальную историю» армянского народа. Авторы «Бузандарана» – и сказители, и первые историографы, творившие на рубеже устной и письменной традиции, – четко и последовательно выделяют понятия, определяющие вековые приоритеты социальной и духовной жизни армян: общину и *orenk'* – полисемантический термин, обозначающий и традиции, и обычаи, и нравы, и уклад жизни (Фавстос Бузандаци 1883; Арутюнова-Фиданян 2016. С. 306–311).

Мовсес Хоренаци констатирует крушение дохристианской армянской цивилизации, но вместе с тем он сохраняет, в определенной степени, часть ее духовной культуры – армянскую мифологию и некие апелляции к мифологическим временам для доказательства сакральной природы социально-политических структур и генеалогий⁷. Устная история, вошедшая в раннюю историографию, закрепила в ней историческую память, создавая преемственность истории народа (Арутюнова-Фиданян 2016).

Второй составляющей феномена «золотого века» было осуществленное переводчиками и писателями погружение в мир античной литературы. Армянские историографы V в. – знатоки античных авторов – знали и по большей части выполняли жесткие требования к исторической прозе: предмет изложения – значимые события; автор – очевидец их или участник; тщательное литературное оформление (метафоры, сравнения и т.п.); четкая композиция, т.е. структурирование нарратива по правилам, наиболее эффективным для изложения; интерполяция в текст писем, документов, речей; стремление писать для пользы, а не развлечения читателя; и т.п. По Лукиану, авторы исторических сочинений должны обладать политическим и военным опытом. Все армянские историографы были монахами, учеными вардапетами, принадлежали к интеллектуальной элите армянского общества, были тесно связаны с правящими домами Армении и высшим духовенством и почти всегда принимали участие в важнейших событиях армянской истории (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 12).

Армянские писатели успешно освоили античные техники исторического описания, однако античные или византийские исторические сочинения (исключая «Церковные истории») не оказали сколько-ни-

---

⁷ Moses Khorenatsi 1978. P. 10–61. О древнейшей истории армянского народа у Мовсеса Хоренаци см.: Мовсес Хоренаци 1990. С. XXXVI–XLI; Арутюнова-Фиданян 2016. С. 317–318.

будь заметного влияния на содержание армянской историографии. Мовсес Хоренаци, используя труды предшественников, оставляет вне круга своих интересов основные греко-римские сочинения, которые и доныне служат фактической базой для восстановления истории древней Армении (труды Ксенофонта, Полибия, Страбона, Тацита, Плутарха, Диона Кассия, Аммиана Марцеллина), исключение составляют Иосиф Флавий и ряд второстепенных памятников.

Историческая мысль Армении V в. является исключительным явлением не только национальной, но и мировой культуры, т.к. на это столетие приходится и взлет армянской историографии, и упадок греко-римской, и лишь первые шаги византийской историографии (Мовсес Хоренаци 1990. С. VIII). Эллинофилы не только не восприняли, например, отстраненный «аисторизм» эллинов⁸, но сделали «историоцентризм» ведущей константой армянской историографии, а исторические повествования – ответом на запросы общества. В V–VII вв. единственными хранителями эллинизма, синтезированного с христианством, были армяне (Культура 1980. С. 8). К.А. Мирумян, исследуя трансформацию античного наследия в явление национальной культуры, рассматривает эллинистическое начало в качестве одного из факторов, обусловивших самобытность армянского народа (Мирумян 1994. С. 71–85).

Небывалый расцвет армянской историографии в V в. совпадает по времени не с зарождением государства (как в других регионах), а с утратой почти тысячелетней армянской государственности. В 428 г. в процессе византийско-персидского противостояния была упразднена царская власть в Армении, и церковь взяла на себя некоторые функции государства и утверждение христианского самосознания. «Столкновение языческого Востока и христианского Запада не только развертывалось в Армении, но происходило при участии ее обитателей, беззаветных борцов за Крест. Известная “борьба за веру” в феодальной Армении V–VI вв. не есть случайный эпизод с результатом, замирающим в географических пределах армянской земли. Это звено в цепи непрерывных столкновений двух различных религиозно-социальных миров» (Марр 1995. С. 44–45).

---

⁸ Исследователи древней истории отмечали, что греки — первооткрыватели исторической науки — были народом с «аисторическим» сознанием, без обостренного чувства времени (Карсавин 1993. С. 214 и сл.; Коллингвуд 1980. С. 19 и сл.; Бычков 1981. С. 22–23; Суриков 2016. С. 196–201).

Редакторы сборника, посвященного зарождению историописания в обществах Древности и Средневековья, поставили в предисловии ряд вопросов, и в их числе: на каком этапе развития институтов власти и управления возникает историописание? кто был инициатором составления этих текстов (государство, церковь, знать и т. д.)? можно ли появление историописания связать с определенным уровнем политического развития (Беляев, Гимон 2016. С. 5–6)? Т.В. Гимон, подытоживая этот коллективный сравнительно-исторический труд, отметил, что на Руси, например, «зарождение историописания четко соотносится, с одной стороны, с христианизацией, а с другой – с переходом к новой стадии ранней государственности» (Гимон 2016. С. 792). В англо-саксонских королевствах, в странах Восточной Европы (Польша, Чехия), как и на Руси, письменная культура была в основном заимствована извне вместе с христианством и церковными институтами и, в определенной степени, соотносилась со становлением государственности.

Доэллинистическая государственность Армении, принятие христианства в начале IV в., и только через сто лет после этого события изобретение алфавита и появление историографии, ставят Армению вне вышеупомянутого типологического ряда.

Изобретение письменности и возникновение оригинальных богословских, догматических, литургических трудов было инициировано церковью. Первые переводчики стали первыми историографами, все они были учеными монахами (вардапетами), тесно связанными с правящими домами Армении (Мамиконянами и Багратидами), по заказу которых писали свои труды.

Памятники V в. – целостный корпус исторической прозы Армении – являются началом христианского историописания. Защита веры и обычаев, сопротивление культурной и религиозной ассимиляции органично сочетались в трудах вардапетов Армянской церкви с борьбой за государственную независимость, за возрождение древнего Армянского царства⁹. Идеи, заложенные первыми армянскими историографами, их философия истории определили последующее развитие историографии в Армении.

---

⁹ Наследственная власть правителей, иерархия общественных страт, власть закона – приоритеты «идеального общества» Мовсеса Хоренаци – это утраченный «золотой век» (Акопян 2016. С. 17–18).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агафангел.* История Армении / ред. Г. Тер-Мкртчян и С. Канаянц. Тифлис, 1903 (на арм. яз.).
- Адоңц Н.* Маштоц и его ученики по иностранным источникам // Месроп Маштоц. Ереван, 1962 (на арм. яз.).
- Акопян П.А.* Армянское историописание в V–VII вв.: возникновение, развитие, специфика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2016.
- Анасян А.* Армянская библиология V–VIII вв. Ереван, 1959. Т. 1; 1976. Т. 2 (на арм. яз.).
- Аревшатян С.С.* Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество Куар и «северные племена» // Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 266–296.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Повествование о делах армянских (VII в.). Источник и время. М., 2004.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Устная традиция в ранней армянской историографии: к вопросу о механизмах культурной преемственности // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 303–323.
- Беляев Д.Д., Гимон Т.В.* Предисловие // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 5–24.
- Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III вв.). М., 1981.
- Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748–800.
- История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгяна; под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1953.
- Иоанн Мамиконян.* История Тарона / крит. текст и предисл. А. Абрамян. Ереван, 1941 (на арм. яз.).
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Корюн.* Житие Маштоца / пер. с др.-арм. Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Оганджаняна. Ереван, 1962.
- Культура раннефеодальной Армении (IV–VIII вв.) / под ред. С.Т. Еремяна, Э.Л. Даниеляна, С.С. Аревшатяна. Ереван, 1980.
- Маркварт И.* Происхождение армянского алфавита и биография св. Маштоца // Месроп Маштоц. Ереван, 1962 (на арм. яз.).
- Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения // *Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения / сост. и ред. П.М. Мурадян. Ереван, 1995.

- Мирумян К.А.* Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ереван, 1994.
- Мовсес Хоренаци.* История Армении / пер. с др.-арм., введ. и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990.
- Мурадян П.М.* Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя // *Мурадян П.М.* Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 2012. Вып. 2. С. 5–20. (а)
- Мурадян П.М.* К предыстории литературного полиглотизма в средневековой Армении // *Мурадян П.М.* Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 2012. Вып. 2. С. 237–250. (б)
- Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980. С. 173–247.
- Саркисян Г.Х.* К предыстории армянской письменности // *Кавказ и Византия.* 1980. Вып. 2.
- Сукиасян А.Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III–IX в. н.э.). Ереван, 1963.
- Суриков И.Е.* «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н.э.) // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 168–202.
- Тер-Петросян Л.* Древнеармянская переводная литература. Ереван, 1984.
- Тер-Саркисянц А.Е.* История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., 2005.
- Фавстос Бузандаци.* История Армении. СПб., 1883 (на др.-арм. яз.).
- Esbroeck M. van.* Agathangelos // *Reallexikon für Antike und Christentum.* Stuttgart, 1985. Supplementband $\frac{1}{2}$.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1.
- Moses Khorenatsi.* History of the Armenians / Transl. and comment. R.W. Thomson. Cambridge (Mass.); L., 1978.
- Terian A.* The Hellenizing School: Its Time, Place and Scope of Activities Reconsidered // *East of Byzantium. Dumbarton Oaks Papers Symposium* / Ed. N.G. Garsoian. Washington, 1982. P. 175–186.
- Thomson R.W.* A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD. Turnhout, 1995.
- Setton K.M.* Christian Attitude toward the Emperor in the Fourth Century. N.Y., 1941.
- Zekiyan L.B.* Elišē as Witness of the Ecclesiology of the Early Armenian Church // *East of Byzantium. Dumbarton Oaks Symposium* / Ed. N.G. Garsoian. Washington, 1982. P. 187–197.

STATE AND EARLY HISTORICAL WRITING IN ARMENIA: ASPECTS OF INTERACTION

First polities emerged in the Armenian Highlands on the base of proto-Armenian tribes in the 7th–6th centuries B.C. In the second half of the 2nd and the early 1st century B.C. the Artašecides created the united Armenian State with sustainable institutes of government which later were transferred to the Aršacides without significant changes. By the early 4th century A.D. the Nakharar system was established in Aršacid Armenia which became an early feudal monarchy.

It is difficult to call pre-Christian Armenia an illiterate society: the Armenian state, going back to pre-Hellenistic times, could not function without writing (which was used in army, taxation, diplomacy, etc.). For several centuries the Aramaic, Greek, Syriac (variant of Aramaic), Parthian, and Persian writing systems were in use in Armenia.

The appearance of the Armenian alphabet *c.* 400 was caused, first of all, by the needs of the Christian church. The translated literature was necessary for the ideological and liturgical activity of the church, as well as for religious education. Later translations embraced all the disciplines of medieval education: grammar, rhetoric, philosophy, natural science, theology, so demonstrating the determination of the Philhellene school.

The first translators-Philhellenes were at the same time the founders of the original Armenian literature. The first historiographers were learned monks (vardapets) closely linked to the dominating kins of Armenia, who patronized their work.

The 5th-century historical thought of Armenia is a unique phenomenon not only for the national but also for the world culture, as the 5th century was the time of decline of the Antique historiography, and the Byzantine one only was doing its first steps.

The ‘Golden Age’ of the Armenian historiography in the 5th century coincides not with the emergence of the state (as in many other regions), but, to the contrary, with the loss of the state sovereignty which had existed for almost a millenium. In 428, as a result of Byzantine-Persian rivalry, the royal power in Armenia was abolished, and the church take over some of the functions of the state, as well as the securing of the Christian self-consciousness.

The corpus of 5th-century Armenian historical prose initiated the Christian historical writing in Armenia. The works by 5th-century vardapets combined the defence of the faith and Christian rites, the resistance to attempts of religious assimilation, with the struggle for state sovereignty and the revival of the ancient Armenian Kingdom.

Key words: Armenia, historical writing, writing, Christianization, the phenomenon of the “Golden Age”, the philosophy of history